* * *

Снова ночь. Ни конца ни краю.
За окном не видать ни зги.
На кого я вас оставляю,
Неотпущенные грехи,
Жестяные мятые трубы,
И кумач, посреди двора,
В предрассветном ознобе губы,
Голубое лекало бедра,
Соловьи, гудки, лепетанье
Полусонных березовых рощ,
И последнее, с Ларой, свиданье,
И нездешний, стеною, дождь...

Снова ночь. Ни конца ни краю.
(Подскажи, Господь, помоги!)
На кого я вас оставляю,
Ненаписанные стихи...

* * *

Опять Победа. Но без мамы,
Ее кургузого плаща,
Косынки, вянущих тюльпанов...
(«Умаялась, пока дошла!»)

Опять нестройный залп салюта.
Шульженко. Витька с Моховой.
И бесконечная минута
Над непокрытой головой.

...Мерцают на могилах свечи:
Андрей, Настёна, дед Иван...

И расправляет мертвым плечи,
Как в 41-м, Левитан.

* * *

Всё об одном... Всё об одном...

За пыльным маминым окном
Несутся тучи табуном,
И стонут ветлы, поле, дом...
А ты, глотая черствый ком,
С обидой, горечью, стыдом –

Всё об одном... Всё об одном...

* * *

Синицы пропали. И люди пропали.
И белые груди к окошку припали.
И в комнате стало темно и уютно.
Я помню тот день за минутой минуту.
. . . . . .
Синицы пропали. И люди пропали.
Тонули в сугробах молочные дали.
И мальчик в худом, затрапезном пальтишке
Прижался к олешине зябкою мышкой.

Синицы пропали. И люди пропали.
И к вечеру буря утихнет едва ли.
И мальчик бежит, под горою помешкав,
На зыбкую точку – по вешкам, по вешкам.

Синицы пропали. И люди пропали.
Сначала, прижавшись друг к другу, молчали,
Потом – растирали ладони до хруста,
Смеялись. И пахло волнительно-вкусным...
. . . . . .
Синицы пропали. И люди пропали.
Как холодно маме в ее одеяле.
Укрой же, Господь, сиротливость ночлега
Спасительным, чистым Рождественским снегом.

* * *

Дождь декабрьский барабанит по крыше –
Снова твой гроб забивает гвоздями.
Мама, ты, конечно, меня услышишь
Там, в своей глубокой глиняной яме.

На дворе – Новый год – веселый праздник,
Такой веселый, что завыть бы волком;
Достает из мешка детство и дразнит:
Отыщи попробуй в стогу иголку.

Недотрога снежная, как же грустно...
Если честно, – хочется удавиться.
На столе всё есть, только в доме пусто,
Только на фотографиях – любимые лица.
. . . . . .
И ты, мама, старилась в одиночку,
Всеми забытая в четырех стенах,
Стыдясь попросить родного сыночка:
«Побудь со мною, ведь я не полено!..»

Катая во рту мандарина дольку
До боя курантов, говорила Богу:
«Он у меня заботливый, вот только
Опять забыл, что у мамы изжога...»

Потом улыбалась светло и кротко:
«Ложись-ка, старая, пожалуй, поздно...»
Пахло валерьянкой в доме. А в окна
Смотрели чужие яркие звезды.

* * *

«Без меня вам трудно будет, детки», –
Повторяла перед смертью мама.
...Уходил во двор, стыдясь соседки, –
Сколько можно, – как с ребенком, прямо!
Обойдусь без причитаний длинных
(Позади, считай, полжизни с гаком).

...Липла к сапогам слепая глина.
Выла за бугром, в селе, собака.

Прожит день, пустой и неуютный,
Мается вдовцом холодный вечер.
Мать встает из гроба на минутку:
Мальчику накинуть плед на плечи.

* * *

Ведь это ты, скажи мне, мама,
Приходишь каждый раз к шести?
И все зовешь меня упрямо:
«Сыночек, Витенька! Впусти!..»

А мне – не вымолвить ни звука.
(На мокром скошенном лугу
Стою, схватив тебя за руку,
И все проснуться не могу).

Ну, вот опять: «Сыночек, Витя!..»
А мне и губ не разлепить, –
В удавке пуповинной нити
Решаю: «Быть или не быть?», –
Ни там, ни здесь, а где-то между
Судьбы, зажатой в кулаке...

И голос, потеряв надежду,
В рассветном тает далеке.

* * *

Бьется или не бьется?
Тикают или нет?
В руки вновь не дается
Серенький злой рассвет.

Что там, Господи, дальше
Брезжущей полосы,
Что остановится раньше:
Сердце или часы?

* * *

Мне вчера не впервой показалось, –
Эта боль, что насилует грудь,
Навсегда под крестом прописалась
И задушит меня как-нибудь.
Может, в мокрой, вонючей постели,
Может, в поле у тихой реки...

(Разве могут спасти, в самом деле,
Даже лучшие в мире стихи.)

* * *

Осот – сорное травянистое растение семейства сложноцветных.

Ты же знал, что никто тебя не спасет,
Нелюдимый колючий и злой осот,
Чей удел – межа, чьих грехов – охапка.
Так зачем же ты ожил и вновь зацвел,
Соблазнившись на пестрый весны подол,
Дурачок, – поверил дразнящей тряпке?

Ты же знал, что все будет именно так:
В голове – пустота, у щеки – кулак,
За окном – затраханная природа:
Пустыри да дымящаяся труба...
Вот и вся твоя нищенская судьба
Посреди бесплодного огорода.

* * *

Снова в мертвом доме не сидится.

Плотью набухает мокрый снег...

Темные, глубокие глазницы
Поднимает к Небу человек.

И бегут по терниям щетины,
Горячи, бессильны, солоны,
То ли слезы преданного Сына,
То ль потеки бешеной слюны.

* * *

Стали с годами циничнее, суше
(Боль и обиды, попробуйте, взвесьте!..)
Законопачены ватою уши,
Не проникают недобрые вести:
Умер сосед. Разлюбила супруга.
Смыло пол-острова где-то цунами...

(Этот ли плакал над мертвой пичугой
Желчный старик в пионерской панаме?..)

* * *

А вечно только зло.
Ну, может быть, разлука.

Опять белым-бело.
На кладбище – ни звука.
На кладбище – покой
(С картины Левитана).
И хлебушек ржаной
Над полыньей стакана.

ОСКОЛКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(Эпитафия)

Л.М. Турчинскому

Стихи, стишки, стишата,
Стишочки, может быть...
Хотели все ребята
Под Блока закосить,
Ахматову, Бальмонта,
Любяра, наконец...

Ценители афронта,
Насильники сердец
Хорошеньких курсисток,
Кудрявых писарей,
Ораторш голосистых,
Чекистов-упырей
Строчили дни и ночи
По вздыбленной Руси,
Желали все, короче,
Парнасский крест нести.

Кто истово и верно,
Кто только за паек,
Те – обличая скверну,
Те – вознося порок:
Нимфеток-проституток,
Иуду, кокаин...
Смердящий поезд жуток,
А Бог на всех один.

Стихи, стишки, стишочки...
Розалия в Крыму.
Страна дошла до точки:
Кто к стенке, кто в тюрьму,
Кто за море навечно,
А кто на Соловки...
Миндальничать, конечно,
Советам не с руки.

Процокали копыта
Пегаса, на убой,
И пулею пробита
Звезда над головой.

...Рифмач, трибун вчерашний,
Щебечущая б...

А все же было страшно
Любому умирать.

* * *

Я хотел самой обыкновенной вещи – любви.

Г. Иванов

Отравлен «Распадом атома»,
Не помню, в который раз.
(Острее ножа анатома
Язык ядовитых фраз.)

В зверинце бездомных Цутиков,
Поэтов, пленительных шлюх
Нездешнюю дивную музыку
Улавливает мой слух,
Стихи и грехи де Садовы
(Праведников и б...)

Пожалуй, трущобы адовы –
Прибежище лучших людей.

* * *

Сирень, распятая на плахе
Июньских адовых ночей,
Когда умаялся Морфей,
И тело в бязевой рубахе
Ты мял под стонущие ахи
В объятьях душных простыней.

Увы! дыхание Гипноса
Бросает в дрожь осенний сад.
В нем запахи теперь царят
Разлуки, тления, навоза...

Глухая пыльная заноза,
Безжалостен твой аромат.

* * *

По твоей улыбке можно было сверять часы.
Если ты опаздывала, они отставали тоже,
Уронив на пол виноватых стрелок усы,
Замирали лягушкой и маялись в темной прихожей.

А дальше неинтересно: пружины порванной звук
До сих пор комариным писком впивается в темя...
Разве можно исправить творение Божьих рук,
Остановивших совсем не часы, а седое время.

* * *

Даже после этого можно жить,
Даже после этого можно спать,
Зябкую синицу с руки кормить,
О судьбе России стихи писать.

А тогда казалось – рассыпься в прах!
А тогда казалось – сгори в аду!
Корчилось коростою на губах
Имя чужестранное – Неприду.

Что же мы за люди? – смешки в ответ ,
Что же мы за твари? – скажи мне, Бог,
Прежде чем погаснет в палате свет,
Прежде чем мне сделать последний вдох.

* * *

«С тобою буду до конца,
До самой точки
Свечою, каплею свинца,
Слезою дочки,
Горбушкой хлеба, колеей,
Мерцаньем тела,
Соломой, теплою золой,
Страницей белой...
Моею болью каждый грех
Вперед оплачен».

...А вот же взял растаял снег
Всего лишь за ночь.

* * *

Вздремнуть на часок хотя бы,
Да сон позади.
Ручная нежная жаба
Прижалась к груди.

Ни кожи, вроде, ни рожи...
Губы холодок...
А так на счастье похоже,
Что в горле комок.

...Чужие мягкие боты
Шуршат за стеной.

«Ну что ты, дурочка, что ты!
Ведь это – за мной...»

* * *

Четвертый раз проходит
Под окнами старик:
Сутулый. Трезвый вроде.
Индюшечий кадык.

Обветренные скулы.
Сухой пергамент щек.
Что я привстал со стула,
Ему и невдомек.

Он шаркает ногами,
Он загребает снег.
Не усидел в бедламе?
Иль потерял ночлег?

С какой-то тихой думой
Скрываясь за углом,
Старик молчит угрюмо,
Ему общаться в лом.

...Снежинок бойких улей.
Вечерних улиц медь.
А мне уже на стуле,
Боюсь, не усидеть.

Появится ль? во сколько?
Старик из-за угла
(Не раздавить бы только
Холодного стекла).

...И, шаркая сторожко,
Торя свою межу,
Под темное окошко
Опять я выхожу.

* * *

Время думать о ночлеге.

Не нарочно, в простоте,
Что напишете, коллеги,
На штампованной плите?

Неужели – «помним, любим»,
Не дай бог, еще – «скорбим»?
Что я вам и вашим судьбам, –
Пустельга, мякина, дым...

На околице погоста,
Где бежит за рядом ряд,
Напишите лучше просто –
Без фамилии, без дат –

«Неизвестному поэту».
И посейте лебеду.

Так любил я землю эту,
Что и мертвый к вам приду.